

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Вишнякова И.А. Социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 4. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70380 EDN: OLEIGU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70380

Социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг.

Вишнякова Ирина Андреевна

ORCID: 0009-0008-7219-113X

аспирант, кафедра Истории стран Ближнего Востока, Санкт-Петербургский Государственный Университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ iranvishnyakova@gmail.com



[Статья из рубрики "История и политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.4.70380

EDN:

OLEIGU

Дата направления статьи в редакцию:

01-04-2024

Дата публикации:

08-04-2024

Аннотация: В рамках данного исследования производится попытка проанализировать социально-демографический состав иранской исламской оппозиции, действовавшей на территории Сирии и Ливана в преддверии Исламской революции 1978-1979 гг. Целью данного исследования выступает анализ биографических данных членов иранского революционного движения и создание на их основе социально-демографического портрета революционеров. Изучение состава представителей иранского Исламского движения, живших и работавших в Сирии и Ливане, является важным шагом на пути изучения деятельности иранской оппозиции в данном регионе в предреволюционный период, которая практически не привлекала внимания иранских, западных и отечественных исследователей. Источниковую базу исследования составили воспоминания активных участников иранского революционного движения,

действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. Систематизация данных производилась с использованием методики, предлагаемой в работах по истории российских подпольных организаций второй половины XIX – начала XX вв. Этот выбор был обусловлен наличием определенного типологического сходства между иранскими революционными группами и российскими подпольными организациями второй половины XIX – начала XX вв. В результате данного исследования на основе анализа мемуаров и воспоминаний иранских оппозиционных деятелей было определено примерное количество представителей иранского Исламского движения, действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. Для части из них удалось установить биографические данные, благодаря чему стало возможно проанализировать социальный и демографический состав революционного подполья. В частности, была проанализирована поколенческая идентичность и сословная принадлежность революционеров, уровень их светского и религиозного образования, сфера занятости и семейный статус. Как представляется, полученные сведения могут стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом.

Ключевые слова:

Иран, Исламская революция, Новейшая история, Ливан, Сирия, Ближний Восток, Исламское движение, XX век, Палестина, Социально-демографический анализ

Благодаря активной деятельности в в регионе Леванта палестинских военизированных группировок, входивших в состав «Организации освобождения Палестины» (сокр. «ООП»), в том числе возглавляемого Я. Арафатом (1929-2004) «Движения за освобождение Палестины», более известного по перевернутой аббревиатуре «ФАТХ», в 1960-х | 1970-х гг. Ливан (и в меньшей степени Сирия) являлись объектом притяжения для революционных сил со всего мира. В палестинских лагерях проходили военное обучение сторонники самых разных политических течений из различных стран Европы, Ближнего и Дальнего востока и Латинской Америки. Постепенно к мысли о необходимости сотрудничества с палестинцами пришла и иранская исламская оппозиция, в частности, представители возникшего в первой половине 1960-х гг. Исламского движения под руководством аятоллы Р. Хомейни (1902-1989).

Период активной деятельности иранской исламской оппозиции в Сирии и Ливане продлился около 8 лет, со второй половины 1970 г. по февраль 1979 г. За это время сиро-ливанский регион превратился в один из основных зарубежных центров иранского оппозиционного движения. Тем не менее, деятельность иранской оппозиции в Ливане никогда не становилась предметом отдельного научного исследования. В работах по истории Исламской революции и внешней политики Ирана второй половины XX в. содержатся лишь фрагментарные сведения о деятельности иранских оппозиционных сил в ближневосточном регионе, в частности на территории Ливана [\[1-5\]](#). Однако, как представляется, изучение истории создания и функционирования иранского революционного подполья в Леванте, в частности, изучение социально-демографического состава революционеров, может стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом.

Целью данного исследования выступает анализ биографических данных членов

иранского революционного движения и создание на их основе социально-демографического портрета революционеров. Источниковую базу исследования составили воспоминания активных участников иранского революционного движения, действовавших на территории Ливана. Необходимо отметить, что за последние три десятилетия иранскими исследователями и специалистами по устной истории было издано множество автобиографий и воспоминаний деятелей Исламской революции. Большой популярностью пользуется также жанр «мемуаров-биографий» (воспоминаний об ушедших товарищах) и беллетристизированных биографий, написанных на основе интервью с участниками и очевидцами революционных событий. В рамках данного исследования были проанализированы мемуары и интервью Асгара Джаммалифарда (род. 1945) [6], Али Джаннати (род. 1949) [7], Ибрахима Йезди (1939-2017) [8, 9], Джалаладдина Фарси (род. 1934) [10], Марзийе Хадидчи-Даббаг (1939-2016) [11] и других участников Исламского движения, действовавших в Ливане в 1970-е гг.

В ходе данного исследования было установлено, что в 1970-х гг. на территории Сирии и Ливана действовало от нескольких сотен до нескольких тысяч иранских революционеров-нелегалов. Столь широкий разброс данных о численности членов революционного подполья объясняется самим характером их деятельности, при осуществлении которой делом первостепенной важности являлась конспирация. В результате, единственным источником информации о примерном количестве действовавших в Сирии и Ливане революционеров выступают воспоминания членов оппозиционного движения.

В результате анализа источников удалось установить имена 52 революционера, действовавшего в 1970-х гг. в Сирии и Ливане. Для 38 человек (четверо из которых – женщины) стало возможным восстановить и проанализировать общие биографические сведения и составить их социальный портрет. Систематизация полученных данных производилась с использованием методики, предлагаемой в работах по истории народнического движения в Российской империи и деятельности партии социалистов-революционеров [12-14]. Данный выбор был обусловлен, в первую очередь, наличием определенного типологического сходства между иранскими революционными группами и российскими подпольными организациями второй половины XIX – начала XX вв. Представляется, что данное сходство выражается в конспиративно-элитарном характере данных организаций, их установке на вооруженную борьбу, ведении масштабной деятельности за рубежом и ряде других признаков.

Исходя из анализа данных о возрасте революционеров, можно сделать вывод о том, что костяк революционного подполья в Сирии и Ливане составляли люди, рожденные во второй половине 1940-х (7 из 38, или 18%) и первой половине 1950-х гг. (14 из 38, или 37%), то есть представители так называемого «второго поколения революции» – молодежи 1970-х гг.. Британо-американский исследователь Э. Абрахамян, занимавшийся, в том числе, вопросом о возрастном и социальном составе иранской оппозиции, отмечал, что в отличие от «первого поколения революции», для которого основной причиной недовольства властями являлись государственный переворот 1953 г. и последующий курс шахского правительства на сближение с США, молодежь 1970-х гг. главным образом испытывала недовольство социально-экономическим развитием страны, установлением еще более тесного сотрудничества с Соединенными Штатами и Израилем, а также повсеместным проникновением западных ценностей и западной культуры [15, с. 17].

Нижний порог возраста революционеров из указанной выборки на момент отъезда в Сирию и Ливан составлял 17 лет (2 человека из 38), верхний – 36 лет (1 человек). Большая часть из них, а именно 22 человека из 38, то есть 58%, на момент поездки в сиро-ливанский регион находилась в возрасте от 20 до 30 лет.

Значительное число революционеров из указанного списка, а именно 22 человека (60%), родились в провинциях Тегеран и Исфаган – крупнейших экономических и промышленных регионах страны. Анализируя данные о месте рождения в совокупности, можно сделать вывод о том, что по большей части участники рассматриваемой выборки являлись уроженцами городов – столичного Тегерана, провинциальных и уездных центров (10, 9 и 11 человек, или 27%, 24% и 29%, соответственно). Лишь 4 человека из 38 (11%) родились в деревнях. Тем не менее, к моменту своего присоединения к оппозиционному движению все 34 человека, место жительства которых удалось установить, проживали в городах.

Говоря о социальном составе иранского революционного подполья в Сирии и Ливане, стоит отметить, что социально-классовая структура стремительно модернизирующегося иранского общества в 1970-х гг. (в особенности, городских его слоев) отличалась нечеткостью и расплывчатостью границ, поэтому распределение революционеров по сословиям и сословным группам представляется весьма затруднительной задачей. За образец были взяты критерии, предложенные Э. Абрахамяном в работе «*Radical Islam. The Iranian Mojahedin*» [\[15, с. 17\]](#).

Большая часть революционеров, сословную принадлежность которых удалось установить, а именно, 20 человек из 38 (53%), принадлежала к «современному среднему классу», основу которого составляли служащие, специалисты, студенты высших образовательных учреждений – то есть, в большинстве своем, выходцы из других сословий и сословных групп. Примечательно, что согласно данным государственной переписи 1976 г. «современный средний класс» составлял лишь 10% взрослого населения Ирана, что разительным образом контрастирует с данными выборки [\[15, с. 16\]](#).

Напротив, представители низших городских слоев (рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, работники магазинов и лавок, мелкие торговцы, слуги, сезонные рабочие, безработные), к которым относилось 32% взрослого населения Ирана, в анализируемой выборке составили лишь 10% (4 человека из 38). Крестьян, доля которых среди населения страны равнялась 45% [\[15, с. 17\]](#), среди рассматриваемой группы революционеров не оказалось вовсе. Примерная корреляция между данными переписи и данными выборки наблюдается лишь в случае представителей «традиционного среднего класса» из числа владельцев малого и среднего бизнеса – ремесленных мастерских, базарных лавок и т.д. (10% по данным переписи [\[15, с. 16\]](#) и 8%, то есть 3 человека из 38, по данным выборки).

Значительную долю полученной выборки, а именно, 24%, или 9 человек из 38, составили представители духовенства. По данным переписи 1976 г., число представителей духовного сословия из 23 млн. иранцев в возрасте от 10 лет и старше составляло всего несколько десятков тысяч человек [\[16, с. 14\]](#). Примечательно, что большинство представителей духовенства из анализируемого списка, а именно 6 человек из 9, являлись учениками исламских духовных академий-медресе. Их доля среди общего числа революционеров составила 16% (6 человек из 38). Всего же в Иране к 1975 г. насчитывалось около 10 тыс. студентов духовных академий (тulлябов) в возрасте от 15 до 31 года, причем около 6,5 тыс. из них обучалось в крупнейшем

религиозно-образовательном центре страны – хаузе (традиционной шиитской духовной академии) города Кум, состоявшей из нескольких богословских академий-медресе [\[17, с. 47\]](#).

Непропорционально высокая доля представителей духовного сословия, в частности, обучающихся медресе в полученной выборке может послужить еще одним свидетельством высокой степени политизированности иранского исламского духовенства 1970-х гг. Помимо собственно исламских учебных дисциплин туллябы 1960-х–1970-х гг. активно интересовались светским знанием. Многие ученики старались после занятий в медресе посещать уроки в обычной средней или старшей школе, а в медресе Хаггани, в котором обучалось 4 революционера-тулляба из анализируемого списка, был введен особый учебный план, включавший в себя историю и философию, основы психологии и международных отношений, иностранные языки и т.д. Кроме того, среди туллябов вопрос интерес к чтению газет и прослушиванию радиопередач, что до этого считалось недопустимым занятием для представителя духовенства. Радиоприемник считался в то время предметом роскоши, в связи с чем распространению радио среди учеников медресе за занимались отдельные активисты [\[7, с. 57\]](#).

Еще одной большой группой революционеров в составе полученной выборки стали студенты высших учебных заведений. В абсолютной величине их доля составила 39%, или 15 человек из 38. Относительно общего количества представителей «современного среднего класса» студенты составили 75%, или 15 человек из 20.

Высокий уровень политической активности студенческой молодежи объяснялся, главным образом, тем, что на протяжении 1960-х – 1970-х гг. произошли стремительные изменения в ее качественном и количественном составе. Благодаря увеличению числа государственных стипендий и утверждению новых правил обучения в высших учебных заведениях произошло расширение социальной базы студенчества [\[15, с. 85\]](#). Если ранее в университетах преимущественно обучались дети крупных землевладельцев, высокопоставленных государственных служащих и богатых предпринимателей, то начиная с 1960-х гг. основную массу студенчества составляли выходцы из семей младших государственных служащих, мелких торговцев и ремесленников, священнослужителей и даже крестьян. Эта тенденция прослеживается и в данных полученной выборки. Поскольку во многих из этих семей религия была неотъемлемой частью повседневной жизни, социальная трансформация университетов способствовала значительной исламизации студенческой среды [\[17, с. 48\]](#).

Еще одним закономерным следствием расширения социального состава студенчества стало увеличение общего числа студентов в стране. В период с 1960 по 1976 г. оно возросло практически в 8 раз, с 24 до 190 тыс. человек. Вместе с тем увеличилась территориальная концентрация студенчества. К середине 70-х годов более 40% всех обучающихся высших учебных заведений были сосредоточены в восьми крупнейших университетах Тегерана и провинциальных центров [\[17, с. 48\]](#). В частности, из 15 студентов, фигурирующих в полученном списке, 2 человека обучалось в вузах Тегерана, 3 – в Исфаганском университете и еще 3 – в университете Табриза. Кроме того, в 1970-е гг. произошел стремительный рост числа иранцев, получавших образование за границей. В 1975 г. их численность составила 38 тыс. человек, то есть более 20% всех иранских студентов [\[17, с. 48\]](#). Около половины (7 человек из 15) революционеров-студентов из полученной выборки обучались за рубежом – в США (5 человек), Франции и ФРГ (по одному человеку, соответственно). Благодаря увеличению численности и

концентрации студенчества в крупных городах Ирана, а также в иностранных образовательных центрах выросла и консолидация студенческой молодежи, что, в свою очередь, также способствовало радикализации студенческой среды.

Несмотря на большое количество студентов в выборке, 8 революционеров (21%) получили лишь среднее образование (что также достаточно высоко котировалось в иранском обществе), а еще 3 человека (8%) по разным причинам смогли окончить только первые 6 классов (ступень основного общего образования) [\[18, с. 31\]](#). Тем не менее, вне зависимости от уровня полученного светского образования, всех революционеров из полученной выборки объединял интерес к исламу. Большинство из них родились в традиционных и религиозных семьях и с детства были знакомы с азами веры и Кораном. Для революционеров ислам был не просто религией или идеологией, а образом жизни и средством спасения не только в будущей, посмертной жизни, но и в жизни земной. Вполне закономерно, что и ответы на вопросы о принципах справедливого мироустройства они пытались найти в религии [\[11, с. 73\]](#).

Согласно полученным данным, 12 человек из 38, чей уровень светского и религиозного образования удалось установить, в разное время прослушали курс лекций в медресе. Еще 21 человек посещал занятия по толкованию Корана и публичные лекции богословов в мечетях и различных исламских обществах и культурных центрах. Происламски настроенные студенты из Тегерана слушали лекции и религиозные диспуты в знаменитом культурно-просветительском центре «Хосейнийе-йе эршад» (перс. حسینیه ارشاد, «место собраний [для] наставления»), в котором с 1967 по 1973 г. регулярно выступал философ Али Шариати [\[7, с. 68-71\]](#). Жители торгово-ремесленных кварталов столицы и провинциальных городов посещали занятия в местных мечетях и залах собраний [\[19, с. 75\]](#). На подобных занятиях зачастую обсуждались не только религиозные, но и насущные политические и экономические вопросы. Так, например, описывал свой опыт М. Боруджерди, приступивший к изучению ислама в очень раннем возрасте – около 7-8 лет: «Когда я ходил на эти занятия, читал Коран и понимал смысл его аятов, мои глаза и уши открылись на многие вопросы... Я понял, кто такой имам [Хомейни] и почему его изгнали из страны» [\[20, с. 3\]](#).

Анализируя вопрос о месте жительства участников полученной выборки к моменту их поездки в Сирию или Ливан, удалось установить, что большая часть из них – а именно, 14 человек из 38 (37%), проживали в Тегеране. Еще 13 человек (34%) проживало в крупных провинциальных и уездных центрах Ирана (в частности, в Исфагане, Куме и Табризе). За границей проживало 10 революционеров, причем 6 из них – в США.

Говоря о семейном положении действовавших в Сирии и Ливане революционеров, стоит отметить, что в полученной выборке количество женатых мужчин превышает количество холостых (14 и 13 человек, соответственно). У 10 из женатых мужчин к моменту отъезда за границу уже были дети. Каждая из четырех женщин из анализируемого списка на момент поездки также состояла в браке, и у трех из них также были дети. Революционерка М. Хадидчи Даббаг, у которой в Иране остались муж, восемь детей и внуки, выехала в Сирию в одиночку, тогда как три оставшиеся девушки, на момент поездки в Сирию и Ливан являвшиеся студентками, в этом путешествии сопровождали своих мужей [\[11, с. 109\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что большую часть из действовавших в Сирии и Ливане на протяжении 1970-х гг. революционеров, чьи биографические данные

удалось установить в ходе данного исследования, составляли люди, рожденные во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. На момент поездки в сиро-ливанский регион им было от 20 до 30 лет. Большая часть революционеров обоих полов на момент отъезда состояли в браке, причем у значительного числа из них к моменту отъезда были дети. Большинство из них на момент отъезда проживали в крупных иранских городах или за границей, главным образом, в США. По роду занятий они являлись студентами, учениками медресе, безработными, представителями сферы торговли и работниками мелких ремесленных мастерских. У значительной части революционеров было высшее или полное среднее образование, а также опыт получения духовного образования или самообразования. Абсолютное большинство из них принимало участие в деятельности полулегальных организаций по исламскому просвещению.

Следует отметить, что история иранского революционного подполья в Сирии и Ливане оставляет простор для дальнейших изысканий. В частности, большой интерес представляют сведения о деятельности в сиро-ливанском регионе представителей иных течений иранской оппозиции, в особенности, прокоммунистических сил, и сравнительный анализ данных представителей Исламского движения и «левого» крыла иранской политической мысли.

Библиография

1. Chehabi H.E. The Anti-Shah Opposition and Lebanon // Distant Relations: Iran and Lebanon in the Last 500 Years / ed. H.E. Chehabi. The Center of Lebanese Studies, Oxford, 2006. P. 162-198.
2. Samii A.W. The Shah's Lebanon Policy: The Role of SAVAK // Middle Eastern Studies. 1997. Vol. 33. No. 1. P. 66-91.
3. Abrahamian E. Iran Between Two Revolutions. Princeton University Press, 1982.
4. Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004.
5. Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян.М., 1989.
6. Джаммалифард А. Джарйаншэнэси-ье һамкарэнэ мобарэзати-ье шаһид мөхаммад-э монтазэри [К вопросу о товарищах Мохаммада Монтазери] // Шаһид-э йаран. 2009. №48. С. 77-85.
7. Фахрзаде С. Хатэрат-э али-ье джаннати [Воспоминания Али Джаннати] / сост. С. Фахрзаде. Тегеран: Марказ-э аснад-э энгэләб-э эсләми, 2014.
8. Йезди И. Йаднамэ-ье шаһид-э бозоргвәр доктор мостафә чамрән [Книга памяти великого мученика доктора Мостафы Чамрана] / ред. и сост. И. Йезди. Тегеран: Гулалам, 2004.
9. Йезди И. Шаст сәл-э сабури ва шокури: Хатэрат-е доктор эбрәһим-э йазди. [Шестьдесят лет терпеливости и благодарности. Воспоминания доктора Ибрахима Йезди]. Т. 2. Тегеран: Кавир, 2015.
10. Фарси Дж. Завайә-ье тәрик [Потаенные уголки]. Тегеран: Хадис, 1994.
11. Шафии А. Парваз бә нур: Хатэрат ва мобарэзат (До рэвайат аз зэндэги-ье хәном-э марзийе-ье һадидчи даббаг) [Полет в лучах света: Воспоминания и борьба (Две повести о жизни госпожи Марзийе Хахидчи Даббаг)] / сост. А. Шафии. Тегеран: Орудж, 2006.
12. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901-1911 гг. М., 1998;
13. Калинчук С.В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х гг. //

- Вопросы истории. 1999. № 3. С. 46-58;
14. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907-1917 гг. М., 1998.
15. Abrahamian E. Radical Islam. The Iranian Mojahedin. London: I.B. Tauris, 1989.
16. Арабаджян З.А. Сдвиги в социально-классовой структуре иранского общества в канун революции // Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. С. 6-15.
17. Юртаев В.И. Участие студенчества в общественном движение в 60-70-е годы // Иранская революция 1978-1979 гг.: Причины и уроки / отв. ред. А.З. Арабаджян. М.: Наука, 1989. С. 46-55.
18. Сэйфпур В. Остурэ-ье танhā: Нимнэгāh-и бэ кārnāmē-ье мобārəzāti-ье шāhид сэйед 'али-ье андарзгу [Взгляд на боевое прошлое сейида Али Андарзгу] // Шāhēd-э йārān. 2007. №24. С. 3.
19. Карими М. Ahl-э донйā ва дараджэ ва magām набуд. Bāzkhāni-ье мобārəzāt-э хастэгинāpazir-э шāhид hādj давуд карими дар goftogu bā mohāmmad-э карими bārādar-э шāhид [Он не был привязан к материальным ценностям. Еще раз о неустанной борьбе хаджи Давуда Карими в интервью с его братом Мохаммадом Карими] // Шāhēd-э йārān. 2016. №130. С. 75-77.
20. Ширази Ф. Энгэлābi-ье ārām ва shodjā': Nēgāh-и bэ zēndēgi-ье sardār-э rašid-э ēslām шāhид mohāmmad-э borudžerdi [Спокойный и смелый революционер. Взгляд на жизнь смелого полководца ислама шахида Мохаммада Боруджерди] // Шāhēd-э йārān. 2011. №67. С. 3

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В современном мире на наших глазах происходят резкие перемены в системе международных отношений: на смену уставшему североамериканскому колоссу приходят такие акторы, как Пекин, Москва, Нью-Дели, Тегеран. Говоря о роли современного Ирана на Ближнем и Среднем Востоке нельзя обойти внимание годы, предшествовавшие исламской революции, ведь падение режима шаха произошло в результате многолетней оппозиционной борьбы. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является социально-демографический состав иранского революционного подполья в Сирии и Ливане в 1970-х гг. Автор ставит своими задачами проанализировать биографические данные членов иранского революционного движения и создать на их основе социально-демографический портрет революционеров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологический базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что "изучение истории создания и функционирования иранского революционного подполья в Леванте, в частности, изучение социально-демографического состава революционеров, может стать важным шагом на пути воссоздания процессов, происходивших в Иране накануне Исламской революции, а также внести вклад в изучение новейшей истории ближневосточного региона в целом".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует

отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на английском и персидском языке, что определяется самой постановкой темы. Из используемых автором источников укажем на "мемуары и интервью Асгара Джаммалифарда, Али Джаннати, Ибрахима Йезди, Джалаладдина Фарси, Марзии Хадидчи-Даббаги других участников Исламского движения, действовавших в Ливане в 1970-е гг."

Из привлекаемых автором исследований укажем на труды З.А. Арабаджяна и В.И. Юртаева, в центре внимания которых находятся различные аспекты иранской истории 1970-х гг., а также биографические исследования Ф. Ширази и М. Карими. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей современного Ирана, в целом, так и Ираном 1970-х гг., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "единственным источником информации о примерном количестве действовавших в Сирии и Ливане революционеров выступают воспоминания членов оппозиционного движения". В работе показано, что из 52 имен у "38 человек (четверо из которых – женщины) стало возможным восстановить и проанализировать общие биографические сведения и составить их социальный портрет". Автор обращает внимание на то, что для изученных "революционеров ислам был не просто религией или идеологией, а образом жизни и средством спасения не только в будущей, посмертной жизни, но и в жизни земной". Что касается возраста, то "22 человека из 38, то есть 58%, на момент поездки в сиро-ливанский регион находилась в возрасте от 20 до 30 лет".

Главным выводом статьи является то, что "история иранского революционного подполья в Сирии и Ливане оставляет простор для дальнейших изысканий".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".